

Царапины по небу

Геннадий Айги показал
“своего” Владимира Яковлева

Культура - 2001, 3-9 июня
с.10

В личности Владимира Яковлева со странностью уживались трагическая одинокость и потрясающая притягательность. Практически ничего не видя, он, склоняясь над листом бумаги почти вплотную, рисовал, казалось бы, чуть неуверенно, но схватывая ту суть, сердцевину изображаемого, которую можно лишь почувствовать. А для этого не нужны глаза. Чаще всего он писал цветы: большие и маленькие, красками и карандашами, яркие и почти бесцветные, но всегда в своем застывшем спокойствии “кричащие” об одиночестве страдающего тяжелой душевной болезнью художника. Когда его спрашивали, почему он так часто изображает цветы, он отвечал просто: потому, что они всем нравятся. Еще он рисовал портреты своих друзей, приходящих к нему людей, врачей, лечивших его; возможно, и не разглядев человека вовсе, иногда мог буквально несколькими штрихами набросать образ его души.

На выставке “Геннадий Айги – Владимир Яковлев. Дружба, творчество, сотрудничество”, состоявшейся в Московском доме национальностей, совсем мало знаменитых яковлевских цветов, но очень много портретов. Большинство произведений – из коллекции поэта-шестидесятника Геннадия Айги, и еще немного предоставил недавно созданный Фонд художника Владимира Яковлева, организовавший выставку. Поэт и художник дружили с 1959 года до смерти Яковлева в 1998-м, а работы в большинстве своем принадлежат к началу 60 – 70-х годов, к поре их теснейшего эмоционального и творческого контакта. Дружбу подпитывало странное для того времени ощущение внутренней свободы: Айги писал авангардные стихи, Яковлев делал не похожие ни на кого в мире рисунки, оба “подзаряжались” энергией друг друга, помогавшей им творить. В 1966-м возник “синтез” их совместного творчества – Айги читал вслух стихи, а Яковлев делал рисунки к ним, или, наоборот, уже готовые работы навевали поэту новые строки.

И где там я?
Ведь таза открываются
Ресницами в мою сторону,
И где-то под ними я становлюсь
Никогда и не существовавшим...
(Г.Айги. 1960 г.)

Тактично и тонко проведена на выставке грань, разделившая и одновременно объединившая художников кисти и слова. Этот год – для обоих юбилейный, но, к сожалению, Геннадий Айги отмечает 70-летие творческим вечером среди работ умершего друга своей молодости. Рисунки Яковлева здесь – не сопровождение к стихам, прямые параллели текст-картинка появляются совсем нечасто. Художественное “озвучание” стихов – часто изображение природы, реже людей. И герой этого периода творчества Яковлева – еще все же человек. Хотя и тогда уже давали о себе знать признаки тяжелой болезни, наверное, художник был более открыт окружающему его миру, чем в свой “цветочный” период 70-х. Вереница лиц – спокойных, равнодушных, грустных, испуганных, закрывающихся рукой; некоторые невозможно разглядеть, другие нарочито абстрактны. Большинство из

этих рисунков сделано простым или цветным карандашом, совсем редко – гуашью. Айги называл портреты Яковлева, цитируя своего любимого поэта Хлебникова, “царапины по небу”, “появлению которых мы обязаны духу, не нуждающемуся в словах и мыслях” (Г.Айги). Еще на выставке собраны ранние абстрактные работы художника 1958 – 1960 годов, созданные под впечатлением от европейского ташизма, – и к ним Яковлев изредка возвращался в течение всей жизни, “когда уставал от конкретного”.

После смерти родителей в 1986 году Владимир Яковлев уже постоянно жил в психиатрическом интернате. Последний раз Геннадий Айги виделся с ним в 1988-м, за 10 лет до смерти художника. Все это время Яковлев продолжал рисовать. У врачей, у друзей, навещавших его, и даже в самой больнице собрались неплохие коллекции его рисунков. Он писал цветы и портреты, подтверждая свои же слова, сказанные много лет назад другу-поэту, что искусство – это средство преодоления смерти.

Юлия ЛЕБЕДЕВА

В.Яковлев. “Портрет поэта Айги”. 1973 г.